

Влада Холодных

Безымянный человек

ПОВЕСТЬ

18+

Влада Холодных
Безымянный человек

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Холодных В.

Безымянный человек / В. Холодных — «ЛитРес: Самиздат»,
2011

Двое незнакомцев оказываются участниками одного криминального дела. Она бунтарка, он – человек-тайна. И один из них – Безымянный человек. Но кто он: человек без имени или тот, чье имя не называется? Или, может, в каждом из нас есть тот самый «Безымянный человек»? Каждый ответит по-своему.

От автора

Появлением этой книги я обязана тем, кто поддерживал меня, и тем, кто критиковал. Благодаря одним я получила надежду, благодаря другим – уверенность.

В первую очередь я признательна всем, кто ругал меня, говорил, что не справлюсь, что попусту трачу время, что мне не по зубам издание книги. Вероятнее всего, они этого не прочитают, но я оптимист.

Выражаю благодарность беспощадному цензору моих рукописей – Игорю Ставцеву. Спасибо за все твои едкие, но ценные комментарии. Твои замечания, местами прожженные цинизмом, местами облагороженные скупой, оттого и драгоценной, похвалой всякий раз проливают луч света на мое творчество.

А самая важная благодарность принадлежит моей маме – пожалуй, единственному человеку, чья оценка для меня наиболее дорога и важна. Спасибо тебе за то, что я стала тем, кем являюсь.

Все персонажи, места и события повести являются смещением реальности и вымысла. Если чьи-то интересы, чувства и убеждения были задеты, значит, я сделала это намеренно, отнюдь не считая это первостепенной задачей.

Принимая решения за других, мы совершенно уверены, что делаем это во благо. Нам предстоит жить с последствиями своего выбора и каждого принятого решения. Основательного или не столь важного. Бывает, мы ошибаемся и сожалеем о поступке, и это служит для нас новой отправной точкой.

«Безымянный человек» – это история, которая могла произойти в любом городе с любым из нас.

У человека должен быть шанс на собственный выбор. Без этой возможности человек мертв.

*Посвящается Д.
благодаря кому я
научилась любить себя.*

Я взглянула на затянутое серой пеленой низкое небо. Размытым пятном проступал диск солнца. Чувство тревоги терзало меня, пока мы с Динем ловили попутку. Тревога подступала, как на море набегают волны и смыывают песчаные художества, возведенные на берегу. Я еще раз подняла голову к небу и подумала, что будет дождь.

На автовокзале города К. нас ждал автомобиль. Оттуда мы могли уехать в безопасное место, и инстинкт самосохранения подгонял на эту встречу. Минуло минут пятнадцать, прежде чем удача снизошла до нас: впереди остановился красный матиз. За рулем сидел раскрасневшийся под стать цвету своего автомобиля грузный мужчина. Всем своим видом он показывал, что спешит, однако вид тысячной купюры заставил его пожертвовать парой драгоценных минут. Как только мы залезли на заднее сиденье автомобиля, он вдавил педаль газа едва ли не в пол, и дверцу Дин закрывал на ходу. Вслед за этим мужчина решил убедиться, правда ли, что мы готовы заплатить тысячу рублей, и лишь потом уточнил, куда нас подвезти.

В действительности за такую сумму мы могли бы взять такси и на нем уехать из города. Но мы не могли так рисковать.

У Дина зазвонил мобильный. На экране я увидела имя Стаса. Разговор был короткий. Судя по ответам и тем словам, что я улавливала одним ухом (второе глушил рев мотора машины), Стас спрашивал, где мы находимся и скоро ли будем на месте. Перед тем, как отключиться, Дин сказал «спасибо», а спустя минуту его будто бы осенило. Лицо его вытянулось, а взгляд застыл. Я посмотрела на него в ожидании ответа.

- Он пожелал нам счастливого пути.
- Это плохо? – приподняла я одну бровь.
- Вместо того чтобы сказать, какая машина нас ждет или кто за рулем. Как будто...
- ...это засада, – закончила я за него фразу и почувствовала, как сердце забилось чаще.
- Не-е-ет, – нервно хохотнул Дин.

Водитель сквозь рев мотора начал прислушиваться к нашему разговору. Я посмотрела на него в зеркало заднего вида и невинно улыбнулась.

– Нет, – повторил Дин. – Он же сказал до этого, что там будет серебристая ауди. И парень по имени Паша. Будет стоять у заведенной машины.

Каждое слово он произносил не хуже загнипнотизированного, при этом он смотрел в одну точку на сиденье перед собой и тыкал пальцем в спинку, стараясь попасть в одно и то же место.

– Дин, – взяла я его за руку. – Все в порядке.

Успокаивать и подбадривать я не умела, за что упрекнула себя и закусила губу. А пока я стыдила себя за этот недостаток, водитель сказал, что на вокзал заезжать не будет – боится, что не хватит бензина до заправки. Распровавшись с мятым изображением Ярославля, мы вышли за километр до назначенного места. Я начала жаловаться, что не успела сходить в туалет и не смогу терпеть в дороге. На предложение Дина «сходить в кусты» я ответила взглядом, полным холодной ненависти. Идти в грязный общественный туалет на автовокзале, тем более платный, я тоже отказалась. Он выдавил из себя слабую улыбку, и мы пошли искать ближайшую забегаловку для справления моей нужды.

С девчонками вечно одни проблемы – наверное, такие мысли слонялись в его голове, пока он ждал меня в маленькой кафешке, где продавали французскую выпечку и кофе. Помещение больше походило на местечковую столовую. Мы купили по два эклера и еще десятка два профитролей, шоколадное фондю к которым, конечно же, не прилагалось. Возле кассы стоял кофейный аппарат.

– Что-то тот кофе был не очень похож на кофе.

– Та кофе-машина тоже не была похожа на кофе-машину, – с досадой произнес Дин.

Мы выпили кофе на ходу, а пирожные попросили упаковать с собой. Отвратительный кофе мы заели свежими эклерами. Неприятное послевкусие у меня прошло, а вот тревога нет. Теперь она уже сверлила меня изнутри. По мере приближения к автовокзалу я чувствовала, как мои ладони становятся холодными. А может, в этом была виновата испортившаяся погода. Ветер становился смелее, стоня набухшие тучи.

Я увидела ауди. Помимо нее на парковочной площадке стояло два автобуса. Как бы парадоксально это ни было, но несмотря на то, что вокзал назывался центральным, находился он отнюдь не в центре города. И здесь не бывало многолюдно: только в момент отправления рейса. Оказалось, мы приехали аккурат в перерыв между рейсами.

Вместе с тем и город выглядел безлюдным. Редкие автомобили проносились по шоссе. Несколько человек вышли из магазинчика и скрылись за углом. Удивительно, наш город с населением свыше ста тысяч человек казался таким пустым, словно было объявлено чрезвычайное положение, а эвакуация произошла задолго до нашего прибытия. Мы поздоровались с высоким парнем, который представился Пашей. На голове у него держались солнечные очки-авиаторы. Я отметила про себя его широкие плечи, буграми выступающие мышцы на груди, большие, глубоко посаженные голубые глаза с густо-черными ресницами и покаты́й лоб. Взгляд задержался на золотой цепочке, тонувшей в завитках черных волос, которые были выставлены напоказ из полурасстегнутой рубашки. Демонстрация признаков мужественности современных мужчин. На нем была светлая рубашка с короткими рукавами, развевавшаяся на ветру, подобно парусинам, потертые вельветовые брюки и сланцы. Когда я узнала, что нас будет ждать водитель, я ожидала увидеть кого-то более... авторитетного. После быстрого знакомства мы сели в машину: Дин спереди, я сзади.

Паша спросил, есть ли у нас деньги, и тут же посоветовал разменять на мелкие купюры. Дину пришла в голову идея разменять деньги в кассе автовокзала или в соседнем магазинчике. Я предложила пойти с ним, но он твердо отрезал свое строгое «нет». Из машины он вышел с тем мрачным выражением лица, которое мне вспоминалось ночью после нашей первой встречи. От этого сердце сжалось и заняло. Меня подмывало послушаться, но перед уходом он сказал, чтобы я дождалась его и не выходила из машины. Я возмутилась, но виду не показала. Что-то мне подсказывало, что это была плохая идея. Однако я уговорила себя остаться.

Если бы я умела полагаться на свою интуицию, именно так бы я и сделала – доверилась донимавшему предчувствию беды. Паша развернул автомобиль и встал так, что со стороны въезда на автовокзал нас не было видно за одним из автобусов, зато нам открывался вид на основную часть подъездной площадки вокзала. Я прислонилась лбом к холодному стеклу и ждала появления на горизонте Дина, держа пальцы скрещенными в надежде, что ничего не произойдет. Лишь когда я увидела, как он вышел из продуктового магазина, убирая рассеянным движением руки свалившиеся на лицо волосы, на душе у меня стало спокойнее. Я с облегчением выдохнула и ослабила скрещенные пальцы.

В школе мы с подругой Ларой называли эту комбинацию «куриные лапки», считая, что если загадать желание и скрестить средний палец с указательным, а большим придерживать остальные, оно непременно сбудется. Частенько бывало, когда мы шли в школу, загадывали одно и то же желание: чтобы уроки отменили. Однажды наше желание сбылось. Во время второго урока в столовой произошло замыкание, на кухне начался пожар. Подоспевшие пожарные потушили огонь, никто не пострадал. Многие были напуганы, кто-то удивлен. И только мы с Ларой радовались, что волшебная сила «куриных лапок» подействовала. Единственный раз.

Для каждого из нас жизнь готовит главного человека. Так любила повторять моя бабушка. Волшебство момента кроется в том, что ты не знаешь, когда он появится и сыграет роль в твоём спектакле с названием «Жизнь». Ровно так же, как и не можешь знать, повлияет ли этот человек на ход событий, изменит ли тебя, спасет ли кому-то жизнь. А самое главное, ты никогда не узнаешь наперед, кем он станет в твоей жизни – именитым героем или гнусным подлецом.

Своего главного человека я встретила в двадцать лет.

Разумеется, об этой встрече я не подозревала. За год до того я жила с родителями в Центральном районе города К. Обо мне нельзя сказать, что я была трудным ребенком. Мне дали хорошее воспитание. По крайней мере, так всякий раз утверждали мои родители. В школе я была прилежной ученицей. Я могла закончить ее с медалью, если бы не давление родителей. Они распорядились моей жизнью как собственной. Когда мне начинали твердить, как я должна выглядеть, что и сколько раз есть, куда и с кем ходить, чем заниматься, что смотреть, читать, слушать, во мне просыпалась бунтарка. Та бунтарка, которая тихонько дремала, пока моему самообладанию не приходил конец. Тогда я делала все наперекор. Вообще, мои родители – славные люди. Мать – генеральный директор в гламурной студии красоты, куда приходят особы премиум-класса закрасить седину и подтянуть животики. Уже на пороге здесь чувствуется атмосфера шика. Отец – совладелец строительной компании. Никогда всерьез не интересовалась его работой и не бывала у него в офисе, только по отцовским разговорам я знала, что они строят загородные дома. Элитные коттеджи на месте лесопарковых зон.

Когда пришло время, меня через знакомых отправили учиться на юридический факультет в филиал престижного института в нашем городке. Естественно, даже не спросив моего мнения. Ведь со слов родителей в своем возрасте я еще не в состоянии решать что-либо, а о будущем нужно заботиться с ранних лет. После института меня ждало рабочее место в адвокатской конторе школьного приятеля моего отца. Словом, мое будущее было скрупулезно продумано и спланировано теми, кто дал мне жизнь. Что касалось личной жизни, то и тут руководили родители. В нашей квартире частенько появлялись прилизанные и вышколенные своими мамами

шами пареньки – отпрыски знакомых родителей. Ведь девушка из приличной семьи должна искать себе счастье в соответствующем окружении.

Все рекомендованные ухажеры лезли из кожи вон, чтобы понравиться мне. Меня это забавляло. Мне дарили столько цветов, что в праздники мне не хватало в доме сосудов для всех букетов. Водили в кино, рестораны, устраивали ночные поездки на лимузине по городу, катали верхом на лошади. Временами я брала с собой подруг и начинала закатывать кому-нибудь из ухажеров истерику, что хочу в клуб или поиграть в бильярд.

В толк не возьму, какими чарами они были околдованы, чего уж такого им наобещали мать с отцом, но они прилежно исполняли любые мои прихоти. Все, конечно, было чудесно. Какой же девчонке не понравится такое обилие внимания? Только мне было с ними до смерти скучно. Все-то у них было расписано на годы вперед. Все они были старше меня на три-четыре года. Мне совершенно не о чем было с ними поговорить. Когда мне становилось совсем невозможно слушать очередного претендента на мое сердце, я слушала музыку в плеере. Кстати, кажется, парни не всегда замечали это.

В институте я появлялась редко, а если и приходила на лекции, то спала или сидела в интернете, за что спасибо процветающей эпохе цифровых технологий. В большинстве случаев я просиживала у школьных подруг дома, попросту убивая время, либо мы оккупировали ближайшее кафе. За то время, которое мы проводили в кафе, можно было выпить по два литра кофе и съесть пуд мороженого или килограммы каких-нибудь пирожных. После я заскакивала домой, чтобы принять душ и переодеться. Затем мы отправлялись веселиться домой к общему знакомому – Семе. С ним мы были знакомы по школе. Он жил один в двухэтажном доме едва ли не на конце города, оставив родителей в квартире. Я надеялась, что меня отчислят из института, но отец уговаривал декана «подумать на мой счет» и проплачивал все мои сессии. Я не знала, кем я хочу быть и чем заниматься, зато одно я знала наверняка – юристом мне не быть. Если собственным родителям я не могла ничего доказать, как мне отстаивать чужие интересы?..

К третьему курсу я все же добилась триумфального отчисления из института, где меня раздражало все: люди, аудитории, стены, атмосфера. А добилась я этого довольно просто. Одним весенним утром, пребывая в скверном и приближенном к агрессии настроении, я поднималась по лестнице гнетущего меня учебного заведения. И где-то на середине лестницы я споткнулась. Вслед за этим у меня вырвалась цепочка громкого и грязного ругательства. Поднявшись в холл, я увидела высокого мужчину, лет сорока на вид, который смотрел на меня взглядом «тебя-то я и жду». Сказав ему «Чего надо?», я тут же попала в кабинет декана. Кстати, деканом и оказался тот самый высокий мужчина. Я не бывала на собраниях, встречах и мероприятиях института, так что и знать не знала, как выглядит декан. Я и преподавателей не помнила на лица (про имена и фамилии говорить и не стоит). Декан отчитал меня за неподобающее изречение в стенах приличного и уважаемого заведения. Детальное содержание его речи я пропустила мимо ушей. Я была невыспавшаяся и больше всего хотела, чтобы он замолчал. Высказав все, что я думаю об этом уважаемом заведении и всех людях, что обитают в нем, а я отзывалась не самыми лестными словами, я была отпущена домой. А на следующий день получила письмо-уведомление, в котором говорилось о моем отчислении за систематическую неуспеваемость.

Отец был зол. От матери я получила такую сильную пощечину, что мне на мгновение показалось, что я вижу перед собой звездную россыпь. После этой пощечины у меня остался маленький шрам на нижней губе. Мать носила на правой руке кольцо с агатом, которое она часто переворачивала так, чтобы камень был с тыльной стороны ладони.

Следом за вылетом из института последовало мое изгнание из родных пенатов. Как тараканы при включенном свете, кинулись врассыпную все мои состоятельные ухажеры. Тогда временным пристанищем стал дом того самого Семы, с кем меня связывала добрая половина зна-

комых. Я устроилась хостесом в приятном ресторанчике поближе к дому Семы, что казалось для меня неплохим заработком. Все-таки не полы мыть или раздавать листовки.

На тот момент мне еще было девятнадцать лет. Я была хороша собой, по крайней мере, мне так казалось по взглядам многих мужчин, однако об устройстве личной жизни я не сильно-то задумывалась. Больше всего мне хотелось веселья, постоянных приключений, большого круга знакомых, в центре которых находилась бы я сама.

У Семы я получила все это. У него дома собиралась пестрая компания. Кто-то приходил потанцевать. Кто-то приносил продукты, готовил, кормил нас. Девчонки, что появлялись на один-два вечера (мы так и называли их – «вечерки»), обычно наводили порядок. Они выбрасывали пустые бутылки, разбросанные банки из-под пива, мыли полы и посуду. Сюда заезжали отоспаться приятели-таксисты, заваливались ребята с ящиками пива для партии в «дурака». Временами курили травку. Когда время переваливало за полночь, все уже крепко напивались, галдели, гоготали, как стадо диких животных, танцевали, переступая через некоторых товарищей, храпящих по несколько человек на матрасе, что стелился прямо на полу. Все это происходило в густом клубе дыма в большой комнате, где обычно и было основное движение. В обитой вагонкой комнатке, что соединялась с главной комнатой большой аркой, находились стол с компьютером, шкаф с CD- и DVD-дисками, старый китайский телевизор, кассетный видеоплеер молодости моих родителей и диван, у которого выпирали, словно ребра анарексика, пружины. Это была так называемая комната отдыха.

Нам было разрешено находиться только на первом этаже, поскольку этаж выше был полностью хозяина дома. Сема с гордостью проводил экскурсию по своим «владениям». Второй этаж состоял из второй ванной комнаты, спортзала и невероятно просторной спальни, где большее пространство занимала практически королевская кровать. Но здесь отдыхали только девушки Семы.

Для гостей на первом этаже было две спальни, в одной из которых спала я. Другая в большинстве случаев была занята. Сема называл ее комнатой уединения. По справедливости, доставалась она тому, кто первый в нее уходил. Время от времени парочки, охваченные страстью и похотью, узурпировали и мою комнату.

Именно в этом доме открытых дверей я прожила без малого полгода с момента, как меня выгнали родители. Не могу сказать, что мне нравилась жизнь у Семы, скорее, я жила здесь в отместку родным за то, что они пытались управлять моей жизнью. Хоть они и не знали, где именно я живу. А стоило им узнать, с кем водится их дочь, и, мне кажется, если бы им предложили написать отказ от родительских прав, они бы подписали все что угодно без раздумий. Как дочь приличных людей я позорила статус моей семьи. Они не делали попыток вернуть меня. За это я уважала их. Но возвращаться не собиралась. В первую очередь, потому что знала, какая жизнь ждет меня дома. А здесь... Вне родных стен человек становится самостоятельнее. Ну, или ломается. Не первый год я жила в поиске чего-то нового, лелея надежду, что меня перестанут ограждать от окружающего мира чрезмерно заботливые и властолюбивые родители. И вот я жила в месте, где все было пропитано запахом табака, алкоголя, секса и свободы действий. И жила с людьми, которые так же, как и я, не знали, кем хотят быть в жизни. Некоторым из них и вовсе было плевать.

Мы неплохо проводили время. Бывало, когда стрелки часов отмеряли второй или третий час ночи, мы вываливались гурьбой на улицу. В теплое время года это случалось гораздо чаще. Музыканты нашей компании брали гитару и, дергая струны, горланили матерные, армейские или попсовые песни. А иногда с началом летних ночных безумств, когда любые стены начинают давить, мы рассаживались по машинам и отправлялись кататься по городу с остановками где-нибудь возле парков или набережной.

У Семы был давнишний знакомый Саша. Мотоциклист, который частенько звал нас на мотоэезд или на обычные слеты любителей мотоциклов. Те байкеры, которых я знала, были

своеобразными людьми. Можно сказать, что это отдельный пласт общества. Мотоциклы для них были дороже всего золота на свете. Соответственно, все разговоры начинались именно с них. Пассажиров они называли рюкзаками, а машины – корытами. Когда шел дождь или дорога была еще не высохшей, они сильно расстраивались и пересаживались на «корыта», чтобы встретиться в гараже одного из члена мотоклуба для бурных обсуждений общих тем и выпивки под музыку.

Оказаться в такой компании для меня было в новинку. Но именно это подпитывало мой интерес и тягу к приключениям. Тем майским вечером Саша позвал нас кататься. Меня он взял к себе в пассажиры. Он был любителем спортивных байков. И обожал свою алую Yamaha R1. Впереди нас была вереница из пяти спортивных мотоциклов «Хонда». Это был первый раз, когда я ехала на мотоцикле. Перед самым началом Саша объяснил, что отклоняться на поворотах я должна вместе с ним, а при торможении нужно упираться руками в бензобак. Надев шлем с кожаными перчатками и крепко обхватив Сашу, я отдалась наслаждению того вечера.

Мотоцикл заревел. Мы тронулись с места и начали стремительно набирать скорость. Выехав на шоссе, мы стали единым целым – я, водитель и мотоцикл. Шесть мотоциклов на сумасшедшей скорости неслись по пустому ночному шоссе, облаченному в свет редких фонарей. В тех местах, где дорога не была освещена, я видела, как свет фар кромсал стелющийся вуалью туман на дороге перед нами. Сердце замирало как кролик, увидевший хищника. Я взглянула на спидометр. Взгляд успел зацепиться за цифру 150 км/ч. Слышно было, как с мелким треском мошकारа разбивается о шлем. Казалось, ветер готов растерзать. В какой-то момент я подумала о том, что одна ошибка водителя погубит нас. Нас сотрет об асфальт. Останется каша из плоти и костей. Но я не боялась. Меня больше ошеломляла мысль, что во мне нет страха. Признаюсь, он был во мне потом, после поездки, но на тот момент лишь проносились окружающая природа, от скорости и редкого освещения превращающаяся в абстрактные пятна. Все звуки глушил рев мотора. А на спидометре стрелка хваталась за цифру 180. Я знала, что он может ехать быстрее, но Саша жалел меня.

Шоссе было похоже на волнистое полотно: мы то поднимались на асфальтовое взгорье, то падали в низину, а то самую малость казалось, что едем по большому плато. На самых высоких точках дороги я чувствовала, как мотоцикл отрывается от земли. Эти мгновения вызывали мурашки по всему телу. Тем вечером я была буквально влюблена в скорость.

На остановке Саша спросил о моих ощущениях. Я светила от счастья, как новогодняя лампочка. Он скомандовал вытянуть перед собой руки.

– Ух ты, – не удержался он, когда я, словно на приеме у невропатолога, сделала все, как он просил. – Парни, смотрите, у нее после первой поездки и руки-то не трясутся! Ну ты даешь! Молодец!

Оказывается, многие после поездки на спортивном мотоцикле продолжают первые несколько минут вибрировать.

После катания на мотоциклах мы заехали на точку слета байкеров. Это был обычный гараж, который превратили в двухэтажное помещение для посиделок. Пока мы веселились, на улице пошел дождь. Возвращаться было не на чем. Ребята стали звонить таксистам. Но их помощь не понадобилась, потому что приехал Тема. Нас познакомили. Все и всегда называли его именно так. Я не решилась нарушать эту традицию. Если бы я могла знать, какие последствия повлечет эта встреча.

С момента знакомства он начал ухаживать за мной. Он был выше меня ростом на полторы головы, темно-русый, с большими голубыми глазами. На плече у него была татуировка в виде поднимающейся гадюки. Водил он Тойоту, тюнингованную под спортивное авто. Мотоциклы он не сильно жаловал, лишь изредка брал покататься старенькую «Яву» у приятелей.

По привычке, мне не было дела до знаков внимания. Сначала Тема общался только с парнями, разговоры их были малопонятны, кроме того, что это как-то связано с работой. Чем конкретно он занимался, оставалось загадкой, для разгадки которой мне не хватало интереса.

Но отношения были форсированы. После нескольких совместных поездок по ночному городу Тема стал почти каждый вечер бывать у Семы, а вскоре мы оказались с ним в комнате уединения. Хотя я бы предпочла ту, в которой спала я. Казавшийся скромным со стороны, Тема оказался с точностью до наоборот: властный, ревнивый, вспыльчивый. Собственник. Главной его собственностью стала я. Когда он напивался, мне казалось, будто земля разверзлась и выпустила из своих недр сущего дьявола, томящегося в заточении тысячелетия. Никак иначе его пьяные припадки нельзя описать. Я всегда должна была сообщать, когда, куда, с кем и зачем я иду, сколько по времени буду находиться в том месте, при этом еще писать и звонить ему. Иначе же разыгрывались скандалы. Начинались подозрения в измене, обмане, следовали долгие переплетение ругани. Бывало, доходило до того, что он замахивал на меня руку, крича с яростью: «Убью!» Он мог схватить меня за руку с такой силой, что после приходилось носить одежду с длинными рукавами, скрывая синяки; мог дать пощечину, подозревая, что я не позволила ему, потому что была с любовником. Я терпела. Спустя несколько месяцев наших отношений он заставил меня врать самой себе, признаваясь в любви. Я не знала, что это такое, но все же что-то подсказывало, что любовь – это вовсе не то, что происходило между нами.

Все чаще я пыталась порвать отношения, но выходило, что это невозможно. Мне некуда было от него деваться. Он знал все места, где я бывала, был знаком со всеми моими друзьями. Точнее сказать, что все его друзья стали автоматически моими друзьями. Со многими подругами мне было запрещено общаться. Тема считал, что они неверные стервы-подстрекательницы. Но после каждой ссоры начинались просьбы прощения, цветы, подарки, потакание прихотям. И я продолжала притворяться его девушкой, зная, что пока не могу от него сбежать. Единственное, что мне импонировало, так это то, что он мог постоять и за себя, и за меня. Он был кем-то вроде местного авторитета. Его знали все, а вместе с тем все знали, кто такая «девушка Темы». Я тоже приобрела некую популярность в компании, и это сильно льстило мне.

Он заставил меня уволиться из ресторана, приказав работать с ним. И тогда я начала узнавать, чем он занимается.

У Темы была своя компания ребят, как он их называл, «проверенные». С ними он зарабатывал деньги. Все началось с перевоза людей, торгующих наркотиками. Он, конечно же, знал, что чего-чего, а наркотики я не одобряю, но мое мнение во внимание не принималось. В его глазах я была женщиной, точнее, существом в юбке, не имеющим права голоса. Однажды в ожидании нужного человека (от меня требовалось встречаться с дилерами) я попыталась высказать свое осуждение, но в ответ он лишь ударил меня, разбил губу, тем самым давая понять, что я должна быть хорошей девочкой и слушаться его. А через месяц его компания получила задание значительно выше оплатой. Тема называл это «партийным заданием».

Вместе со сменой задания изменились и мои функции. Теперь моей задачей было привлечь внимание и завести разговор с указанным человеком, за которым они следили. Всегда это были разные люди, чаще мужчины, но бывали и женщины. После того, как они садились в машину, больше я их не видела. Тема и еще двое крупных парней находились в фиате, а трое других парней были в машине скорой помощи в халатах санитаров. Мне они говорили, что помогают сбежать конкретным людям. Отчего-то мне казалось это слишком сложной операцией. Да и история не тянула на правдоподобную. Правду я узнала спустя две недели.

Я продолжала жить у Семы, наотрез отказываясь переезжать к своему парню-деспоту. Так я сохраняла остаток своей больной свободы. Однако в те дни, когда Тема отсылал своих родителей на дачу, временным пристанищем для меня становилась его однушка. Размер его жилья был еще одной причиной моего нежелания перебираться к нему. А его родителям я нравилась. Еще бы. Судя по их взглядам, я была уже заочно женой Темы.

Как-то летним вечером Тема с тремя своими друзьями сидел в гостиной, служившей заодно и спальней. Переключая телевизор с канала на канал и попивая пиво, парни играли в «козла», временами выходя покурить на маленькую кухню, где сидела я.

Кухня была до безобразия тесной. Пиво пить я отказалась, тогда вместо него мне купили сухое вино. В их компании было неприятно находиться без выпивки. Сидя за столом, делая цветы из бумаги, я услышала, как в коридоре Тема говорит по телефону.

– Да, говорю тебе! – рычал он в трубку. – Нам завтра уже хирург нужен. Миха свалил. Да грохнули его. Натаныч стукачей не оставляет. А кто тогда мужика резать будет?

От услышанной последней фразы сердце мое дернулось и застучало так, как это бывает от неожиданности и страха. В одночасье все встало на свои места. Разрозненные пазлы в моей голове сложились в единую картину. И вместе с этим закипело, забурлило недовольство, что меня держат в неведении.

Когда Тема закончил говорить по телефону, я встала и подошла к нему. Скрестила руки на груди и приняла самое непроницаемое выражение лица, какое только могла изобразить.

– Что значит, «резать мужика»? – старалась придать своему голосу непринужденный тон. Тема глянул на меня искоса и прохрипел:

– То и значит.

– Вы убиваете людей?

Лицо его помрачнело и как-то зло осунулось. Он ответил раньше, чем я успела пожалеть о затеянном разговоре.

– Почему же, некоторые приходят продать почку, когда деньги позарез нужны.

– Но в этих случаях вы обходитесь без меня, да?

– А зачем тебя без надобности таскать с собой?

– И правда. Я вообще с вами таскаться не буду. Я не собираюсь...

Он схватил меня за руку и прижал к стене так, что я ударилась затылком. Из глаз посыпались искры.

– Ты будешь таскаться со мной, пока я занимаюсь этим делом, ясно? – говорил он спокойно, но с вызовом. Глаза его яростно сверкали. – А попробуешь свалить, найду и саму разделаю на органы. Будет мне еще баба права качать!

Он фыркнул, как разъяренный буйвол, и отпустил меня. И сразу же смягчился во взгляде и голосе.

– Малыш, я ведь так люблю тебя. Мы с тобой одно целое, и ты без меня никуда.

Для меня это звучало как приговор для ошибочно осужденного: «Пожизненное заключение в колонии строгого режима». Тема слюняво поцеловал меня в шею и потянулся за своей курткой.

– Я по делам. Буду часа через пол, – он постоянно говорил словосочетания с приблизительным временем неправильно.

А я, растирая ушибленное место, поплелась на кухню, проклиная саму себя за то, что стала девушкой этого страшного человека. Тот вечер не стал переломным в моей жизни – я все еще не знала, кем хочу быть в жизни, но отчетливо понимала, что быть причастной к смерти людей – совершенно не то, чем я должна заниматься. Глубоко разочарованная в себе, я взяла бутылку вина и собралась выйти из квартиры. Тут из комнаты вышел Крест, которого так называли друзья. Прозвище он получил за наколку в виде большого креста справа на шее. Не могу припомнить, чтобы хоть раз к нему обращались по имени. На вид ему было около двадцати восьми лет. Голова у Креста была большая, как тыква, лоб бороздили три глубокие уродливые морщины. Но больше всего его внешность портили пухлые мясистые губы, которые выглядели как намащенный блин.

Крест увидел, что я завязываю шнурки на кедах, и в его взгляде мелькнуло волнение. В двух шагах от входной двери он преградил мне дорогу и, наконец, заговорил.

– А ты это самое того... – было единственное, что он смог произнести внятно.

– Чего тебе?

– Отдохнуть хочешь? – скороговоркой выпалил он, становясь пунцовым, будто его ограничили в доступе кислорода.

– Именно этим я и занимаюсь, – ответила я и попыталась продвинуться ближе к двери.

Но Крест схватил меня за талию и сделал попытку пустить руки в вечное странствие по моему телу. Я услышала шаги в комнате. Видимо, парни, оставшиеся в квартире, наблюдали с порога. К тому времени у меня уже сработал защитный рефлекс. Со всей скопившейся злостью я двинула Кресту в незащищенное место, и пока он корчился в позе истинного коленопреклоненного рыцаря, я уже распахнула дверь квартиры. Я обернулась и увидела на пороге комнаты затаивших дыхание Сашу и Андрея. В компании их называли Щегол и Казак. Прозвища они получили от своих фамилий: Щеглов и Казаков.

– Только троньте. Тема вас покалечит.

Но они разразились диким мужицким хохотом.

– Крест, сотку на базу, – сквозь смех сказал Казак.

– Думаешь, мы такие развратники? – обратился ко мне Щегол с кривой улыбкой. Он и без того был криворотым. Среди всех он казался самым вразумительным. Он даже не матерился. Точно не при мне.

– Поспорили мы, – прокряхтел Крест, вставая с колена, все еще держась за больное место.

Меня охватила такая гадливость, что я не нашла, что сказать. Вместо этого я хлопнула дверью и, перебирая ногами ступеньки, вскоре оказалась перед выходом из грязного подъезда. Я прислонилась к стене, чтобы перевести дух после пробежки с восьмого этажа. Лифт в доме, видимо, не работал специально для поддержания жильцов в тонусе. На стене маркером была криво дописана фривольная характеристика некой Оленьки, которая любит Сережу. Уж не сам ли бесчувственный Сережа дописал эту непристойность? Бросив анализировать надпись, я распахнула дверь. На меня кинулся холодный ветер, сгущавший августовские сумерки. Август – такой лукавый месяц года. Это вроде бы уже и не лето. Темнеть начинает сравнительно быстро, и вечера становятся прохладнее обычного. Но это еще и не осень – выпадают теплые деньки, когда можно поехать искупаться или просто одеваться по-летнему. В общем, август я никогда не любила.

Первым делом я пожалела, что не взяла куртку. Возвращаться в квартиру не хотелось. За домом была беседка, где можно было бы скрыться от ветра, но обычно там собирались малолетние влюбленные парочки. Поскольку желания составить им компанию у меня не было, я устроилась на лавочке в сквере через дорогу от Теминого дома. Ехать к Семе тоже не хотелось. После того, как я полгода прожила в доме открытых дверей с ежедневными ночными кутежами, я начала чувствовать, как у меня разлагается мозг. Я надеялась, что в фигуральном смысле. Вернуться домой и попросить прощения у родителей мне не позволяла гордость. Напрашиваться к подругам в сожительницы было плохой идеей – их родители сами мечтали пустить их на вольные хлеба. Но и с Темой оставаться надолго не входило в мои планы. Что делать, я не знала, потому просто ждала. Открыв початую бутылку вина, я делала попытки согреться изнутри и размышляла о своей бестолковой жизни.

Ничего хуже дешевого сухого красного вина я не пробовала. Редкостное пойло. Но за неимением ничего лучшего приходилось мириться. На улице зажглись мутно-желтые фонари. За деревьями мелькали редкие прохожие, в основном, возвращавшиеся с работы трудяги. Проезжали один-два автомобиля. Ко мне начала ластиться бродячая кошка, мерзко подергивая хвостом. Боковым зрением я заметила кого-то постороннего, кто наблюдал, как я осторожно отпихиваю от себя кошку ногой. Наконец, кошка отстала, села и начала вылизывать тощую лапу.

Я повернула голову и увидела мужчину в рабочем комбинезоне. Выглядел мужчина довольно взросло, на голове у него была темная кепка, похоже, того же фасона, что и комбинезон. Я сделала вид, будто не обращаю на него внимания, глотнула вина и начала царапать на песке перед лавочкой абстрактные фигуры.

– Распивать спиртные напитки в общественных местах запрещено законом, – через несколько минут тишины произнес он. Я даже не поняла, ко мне ли он обращается, потому что в момент, когда я повернулась к нему, он смотрел на дорогу.

– А вы что, за порядком следите?

Из-за лежащих на город сумерек он казался едва различимым, почти призраком. Или, сказать вернее, на тень призрака, если так вообще можно сказать. Сидел весь в темном, руки в перчатках, из-под кепки выбились волосы. Неспешно он поднялся с лавочки и подсел ко мне. Какое-то время призрак продолжал вести себя так же неприметно, следя за дорогой.

– Видимо, нет, – ответила я сама себе.

Он только бросил короткий взгляд на меня.

– Ждете кого-то? – сделала попытку разговорить незнакомца.

Но и на этот вопрос ответа я не получила. Глотнула еще вина и поморщилась. Почему-то мне представлялось, что я пью моторное масло, искренне надеясь никогда не узнать настоящий вкус моторного масла. Видимо, мужчина заметил, как меня передернуло, потому что после этого он снял перчатки, полез во внутренний карман куртки (это я увидела, лишь когда он развернул ее, вероятно, держа свернутой подмышкой) и достал походную фляжку.

– Это лучше, – произнес он приятным голосом с хрипотцой, отвинтил пробку и протянул мне.

Выбившаяся прядка волос упала ему на лицо. Я взяла фляжку, продолжая смотреть на него. Он снял кепку, чтобы убрать волосы, и я успела разглядеть его лицо. В сумраке глаза у него блестели. Я предположила, что они светлые, как и волосы. Широкое лицо с ястребиными глазами. Выглядел он серьезным и напряженным. Это придавало ему загадочности. На вид ему было не больше двадцати пяти, хотя возраст я никогда не могла угадать. Когда он говорил, я разглядела ямочки на щеках, они придавали ему обаяния и молодости. Руки были будто бы в ссадинах, костяшки пальцев казались мозолистыми. Впрочем, тогда могло разыграться мое воображение, дорисовывая то, что я видела почти без дневного света, да и сознание покрывалось слабой одурманивающей пеленой. Каким бы отвратительным вино ни было, оно разбавляло мою кровь алкоголем.

Глотнув из фляжки, я едва не захлебнулась. На вес казалось, что там на доньшке, поэтому я смело начала заливать содержимое в себя. Жидкость пробежала по пищеводу жгучей струйкой. Я раскашлялась. Парень придвинулся ко мне и начал хлопать по спине. Я показала жестом, что все в порядке, и вернула фляжку.

– Глоток хорошего виски лучше всякого дешевого пойла, – прокомментировал он, после чего сделал маленький глоток, закрутил фляжку и спрятал ее в куртку.

Я покосилась на него. Он снова надел перчатки и поправил кепку. Со стороны дороги послышалось движение. Показались две машины: шевроле и знакомая тойота. Из них вышло несколько человек. Но Темы среди них не оказалось. Может, он остался в машине?.. Компании обменялись рукопожатиями и начали и о чем-то разговаривать. Можно было предположить, что они обсуждают что-то важное. Несмотря на то, что на улице было тихо, до нас доносилось лишь легкое шуршание голоса. Зато парень рядом как-то напрягся и сделался еще более мрачным, чем казался прежде. Я снова перевела взгляд на кучку секретничавших парней, которые сильно жестикулировали и продолжали оглядываться. В один момент я увидела моего незнакомца, направляющегося в их сторону с метлой. Почему я раньше ее не заметила?.. Внешне он походил на приземистого дворника. Кепка у него была надвинута на лицо, шея втянута в плечи. Так он выглядел на все сорок с лихвой. Начав мести с одного конца улицы, он стано-

вился все ближе к компании парней. Оказавшись почти вплотную к ним, он принялся собирать окурки, которых там было целое кладбище. Я знала это потому, что на том углу улицы часто собирались компании курильщиков, оставляя десятки сигаретных трупов. Картина, что я наблюдала из сквера, разворачивалась до тех пор, пока один из парней не заметил дворника. От любопытства я встала с лавочки и крадучись прошла несколько метров по направлению к ним, выглядывая из-за детской горки.

– Дядя, мети-ка ты в другую сторону, – отчетливо донеслось до меня.

Он развернул дворника лицом к скверу и слегка подтолкнул его рукой в спину.

– Ребят, – просипел недавний мой сосед по лавочке. – У меня тут рабочий квадрат. Мне платят за то, что я мету.

Они обменялись еще парой фраз, которые я не расслышала из-за поднявшегося ветра – листва кленов надо мной зашумела в самый неподходящий момент. Парень, что хотел поскорее избавиться от постороннего слушателя, достал из кармана бумажник, вытащил несколько купюр. Он сунул деньги в нагрудный карман куртки дворника. Тот, в свою очередь, поклонился, отсалютовал, касаясь при этом рукой козырька кепки, так и не поднимая головы, и медленно зашагал в мою сторону. Метлу он волоком тащил за собой.

Я сиюминутно оказалась на прежнем месте, подняла с земли оставленный мною прутик и стала делать вид, как будто мне ни до чего нет дела, кроме выведения моих песочных каракуль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.